

Цзинь Луаньдянь собирался выйти из машины, но Шэнь Хуайчжан остановил его. Цзинь Луаньдянь сказал:

— Раз вы, генерал Шэнь, являетесь важным участником собрания, задерживаться здесь, вероятно, не стоит. Вам лучше поскорее вернуться в Нанкин.

Шэнь Хуайчжан спокойно ответил:

— Не беспокойтесь. Я забыл вам сказать, что главнокомандующий не планирует расформировывать Северо-Восточную армию. Теперь я свободен от дел и могу уделить вам всё своё время.

Цзинь Луаньдяню почувствовал, как у него похолодело внутри:

— Мне не нужно ваше общество!

Шэнь Хуайчжан улыбнулся фальшивой улыбкой:

— А мне нужно ваше. Если вы откажетесь, мне придётся обратиться к вашему третьему брату. Он мне очень нравится.

Цзинь Луаньдянь гневно уставился на него:

— Не смейте даже думать о нём! Хватит терять лицо!

Шэнь Хуайчжан считал, что бережёт свою репутацию, но на самом деле это было не так. Он жил благодаря своей бесстыдности. Если лицо толще городской стены и крепче крепости, то нет никого и ничего, чего бы он не смог добиться. Он с наивной улыбкой произнёс:

— Он мне правда очень нравится.

Цзинь Луаньдянь в ярости ушёл. Шэнь Хуайчжан был настоящим дьяволом, к тому же развратным и похотливым.

Обретя уверенность, Цзинь Луаньдянь с гордостью направился в Зал Цзинъю. Однако за это короткое время Бай Хунци уже был доставлен к Шэнь Хуайчжану.

Подручные Шэнь Хуайчжана действовали быстро и без колебаний. Найдя нужное место, они ворвались внутрь, выпустили в окна дым, вызывающий потерю сознания, и с лёгкостью вынесли Бай Хунци, который уже был без чувств.

Бай Хунци лежал на широкой кровати, его веки были тяжёлыми, тело слабым и вялым, а душа свободно парила. В темноте его охватило чувство, будто он на грани смерти. Он хотел позвать служанку, но никак не мог вспомнить её имя.

Бай Хунци смутно подумал, что, вероятно, он просто не выспался в последние дни, и это вызвало состояние, похожее на «давление духа». Он нахмурился и продолжал спать, не подозревая, что то, что на него давило, было не духом, а самым настоящим человеком.

Шэнь Хуайчжан, увидев, что Бай Хунци полностью без сознания и не двигается, почувствовал странное возбуждение. Бай Хунци от природы был красив, и даже в таком состоянии Шэнь Хуайчжан испытывал к нему извращённое влечение.

Бай Хунци почувствовал тупую боль, но его сознание было окутано ватой, притупляющей ощущения. Внезапно он инстинктивно поднял руку и ударил Шэнь Хуайчжана по руке, где был шрам.

Шрам... У Бай Хунци пересохло в горле, он не мог произнести ни слова, только беззвучно прошептал:

— Юйлинь... остановись...

Шэнь Хуайчжан, покрытый потом, навис над ним. Увидев, как губы Бай Хунци шевелятся, а на его лице появляются эмоции, он почувствовал ещё большее возбуждение.

Под напором волн стимуляции Бай Хунци начал тяжело дышать. Этот сон казался настолько реальным, но его тело было сковано подавлением и удушьем. Он не мог открыть глаза, и в его сердце на мгновение вспыхнул страх, который затем утих в бурных волнах. Он подумал: «Это просто сон, вызванный дневными мыслями».

Шэнь Хуайчжан заметил, что Бай Хунци снова перестал реагировать, и его интерес начал угасать. Однако, начав, он не мог остановиться и закончил это дело с поспешностью.

Он взял ногу Бай Хунци, которая была длинной, белой и мягкой, и провёл рукой вверх по его телу. Бай Хунци что-то пробормотал, и Шэнь Хуайчжан остановился, приложив ухо к его губам. В невнятных шёпотах он услышал, как тот произносит незнакомое имя.

Цзинь Луаньдянь вышел из Зала Цзинъю с чувством облегчения. Наконец-то он избавится от занозы в сердце. Теперь оставалось только ждать хороших новостей. Однако, вернувшись домой, он больше не мог радоваться — Бай Хунци бесследно исчез.

Цзинь Луаньдянь обежал все отели и рестораны в концессии. Оказалось, что Шэнь Хуайчжан скрывался в «Ипинге». Узнав номер комнаты у администратора, он поспешил наверх и с силой пнул дверь:

— Шэнь Хуайчжан! Открой!

Цзинь Луаньдянь уже собирался ударить дверь второй раз, когда Шэнь Хуайчжан открыл её. В тот же момент кровь ударила Цзинь Луаньдяню в голову, и его лицо покраснело до шеи. Он

гневно спросил:

— Где мой третий брат?!

Шэнь Хуайчжан тихо и с хитрой улыбкой ответил:

— Он спит.

Цзинь Луаньдянь оттолкнул его и ворвался в комнату. Бай Хунци лежал на кровати в растрёпанной одежде. Цзинь Луаньдянь подошёл к кровати, наклонился и начал трясти его, но не получил ответа. Он задышал тяжело, его глаза покраснели, и он закричал на Шэнь Хуайчжана:

— Чем он тебя обидел?!

— Я же говорил, ваш третий брат мне очень нравится, — Шэнь Хуайчжан, злой и коварный, продолжал дразнить Цзинь Луаньдяня. — Ну хватит злиться. Это дело останется между нами. Когда ваш брат проснётся, он всё узнает. Конечно, вы можете открыто обвинить меня. Я действительно люблю вашего брата и лично приду к нему с извинениями.

Цзинь Луаньдянь дрожал всем телом. Водянистые глаза Шэнь Хуайчжана казались ему бездонной пропастью. Он никак не мог избавиться от этого злодея, но не хотел смириться с судьбой и не желал, чтобы другие страдали из-за него.

Цзинь Луаньдянь, обезумевший и униженный, бросился на Шэнь Хуайчжана, яростно нанося удары. Шэнь Хуайчжан, хотя и был доволен, не мог позволить Цзинь Луаньдяню изуродовать его. После нескольких ударов он с лёгкостью прижал его к полу, и его мягкий голос скрывал злобу:

— Не кричи, иначе разбудишь брата. Это будет некрасиво.

Если так пойдёт дальше, Цзинь Луаньдянь сойдёт с ума.

Он чувствовал себя виноватым. Ему не следовало возвращаться домой на глазах у Шэнь Хуайчжана, не следовало впускать этого вора. Но больше, чем вина, он чувствовал страх. Он не мог дать Бай Хунци разумного объяснения.

Вернувшись домой, Цзинь Луаньдянь сразу же нанял двух рабочих, чтобы они выложили на стенах осколки стекла для защиты от воров. Острые осколки, беспорядочно разложенные на стенах, явно испортили красоту сада и дома.

Вечером Бай Хунци всё ещё был без сознания, и Цзинь Луаньдянь не мог есть. Он вошёл в комнату Бай Хунци, его нос защемило, а в глазах появились слёзы, которые он с трудом сдерживал. Он наполнил ванну тёплой водой, поместил туда Бай Хунци и сел на край, медленно обмывая его.

Через некоторое время Бай Хунци медленно открыл глаза. Цзинь Луаньдянь, уставший и обессиленный, со слабой улыбкой спросил:

— Третий брат? Ты проснулся. Как себя чувствуешь?

Цзинь Луаньдянь не следовало спрашивать, потому что это пробудило в Бай Хунци телесные ощущения. Его голова была ещё тяжела, но жгучая боль и спазмы внизу тела не могли быть скрыты.

Бай Хунци поднял мокрую руку и ударил себя по голове. Он помнил только, как днём переписывал документы дома, но потом сдался усталости и прилёг отдохнуть. Ему приснился странный кошмар. Сейчас он смотрел на мерцающие отблески света на воде и чуть не попал в состояние, подобное сну Чжуанцзы о бабочке. Он снова ударил себя по голове и пробормотал:

— Что произошло... Что это было...

— Что произошло! — Бай Хунци не мог понять, что случилось, и громко закричал. Он был раздражён, и его слабая психика оказалась под контролем жестоких и безумных эмоций. Он начал биться в воде, поднимая брызги.

Цзинь Луаньдянь обнял Бай Хунци, прежде чем тот окончательно сошёл с ума, и с красными глазами начал умолять:

— Третий брат, прости меня. Это всё моя вина. Я не смог его остановить. Не злись, прошу, прости меня.

На лице Бай Хунци блестели капли воды, отражая свет лампы. Он то впадал в безумие, то в апатию, но в конце концов успокоился и произнёс, как будто давая последние наставления:

— Где он? Скажи ему, что не нужно прятаться...

Бай Хунци тяжело вздохнул. Он был в ярости из-за Лун Юйлиня. Прошное уже не имело значения, но, зная характер Лун Юйлиня, он понимал, что тот обязательно устроит скандал у Лун Тянься. А теперь, совершив такой низкий поступок, он лишь радовался, что это не касалось его сестёр, иначе это было бы настоящим грехом.

Сердце Цзинь Луаньдяня уже сгорело от тревоги. Теперь он не чувствовал ни сожаления, ни раскаяния. Рис уже сварен, и теперь оставалось только съесть его:

— Третий брат, прости меня.

Бай Хунци слабо махнул рукой:

— Это наше с ним дело.

Цзинь Луаньдянь смущённо промолвил:

— Третий брат, он скоро уйдёт. Я обязательно отомщу за тебя.

Бай Хунци молчал. Его мысли были в хаосе. Оглядываясь на последние двадцать лет, он осознал, что счастья в его жизни было мало. Он решил оставить свою гордость, которую лелеял более десяти лет, но не смог сохранить свои отношения с Ань Вэймином. Затем он одиноко прожил жизнь в аскетизме, а Лун Юйлинъ лишь измотал его до предела.

<http://bllate.org/book/15577/1386872>